

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ВОРОНЕЖА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. Г. Чесноков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2020 г.

Аннотация: рассматриваются усилия городских властей по организации работы над новым генеральным планом Воронежа. Основой исследования служит синтез уже известных фактов и дополнительных архивных сведений, еще не введенных в научный оборот, связанных со служебной деятельностью Строительного отделения губернского правления и Техническо-архитектурного отдела городской Управы.

Ключевые слова: городской архитектор, губернский архитектор, регулярный генеральный план.

Abstract: the article examines the efforts of the city authorities to organize work on the new general plan of Voronezh. The research is based on a synthesis of already known facts and additional archival information related to the official activities of the Construction Department of the Provincial Government and the Technical-Architectural Department of the City Council that has not yet been introduced into scientific circulation.

Key words: city architect, provincial architect, regular city plan.

Генеральный план – документ определяющий стратегию архитектурно-планировочного развития города на десятилетия вперед. Новый этап развития Воронежа начался с первого регулярного плана 1774 г., созданного в результате творческого взаимодействия главного архитектора Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы И. Е. Старова и первого губернского архитектора Н. Н. Иевского. Обстоятельства создания этого важнейшего городского документа, а также его дальнейшая реализация вплоть до середины XIX в. нашли отражение в совместной публикации А. Н. Акиншина и Г. А. Чеснокова [1]. Авторы в хронологической последовательности исследуют фиксационные планы Воронежа разных лет, чтобы проследить, как рос город, и насколько новое строительство соответствовало генеральному плану.

Тему архитектурно-планировочного развития Воронежа рубежа XVIII–XIX вв. достаточно детально исследовал В. А. Митин. В своих монографиях он проанализировал формирование застройки нового административного центра города, рассматривая проектные предложения Н. Н. Иевского, а также его преемников на должности губернского архитектора – И. И. Волкова [2] и В. Б. Белокопытова [3] – в контексте школы русского зодчества эпохи классицизма.

Таким образом, можно заметить, что исследователей в основном интересовал генезис регулярной планировочной структуры города – процесс, который можно считать завершенным к середине XIX в. Более поздний период в истории создания планов Воронежа

изучен в гораздо меньшей степени. Однако именно во второй половине XIX – начала XX в. в городе предпринимались многочисленные попытки разработки нового генерального плана. Обстоятельства, в которых решалась эта задача, представляют значительный интерес для изучения.

Поводом для составления нового проектного плана для губернского центра стал рапорт в Хозяйственный департамент МВД от 8 октября 1843 г. чиновника особых поручений министерства А. П. Компанейщикова, который весной этого года вместе с губернским секретарем Кузьминским проводил «обозрение общественного хозяйства Воронежа» [4]. Рапорт сохранился в деле «О составлении нового проектного плана города Воронежа. 1843–1855 гг.», хранящемся в РГИА. В нем сообщается, что «конфирмованного в 1774 г. плана на город не отыскалось» [5, л. 1]. В этом же документе Компанейщиковым было сделано предложение о составлении нового плана.

Здесь следует заметить, что вопрос о пересмотре существующих планов и составлении их для городов, где таковых не имелось, рассматривался в Хозяйственном департаменте МВД еще в 1838–1839 гг. [6]. Вновь к обсуждению проблемы составления генеральных планов городов вернулись в канцелярии Главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий (далее – ГУПСИПЗ) в апреле–мае 1843 г. [7]. Вполне возможно, что рапорт Компанейщикова был в какой-то степени реакцией на эту обсуждаемую проблему.

Порядок хранения подлинных высочайше утвержденных планов городов был утвержден только в 1860 г. С целью контроля и во избежание возможных

подлогов при их реализации, что было обнаружено в Житомире, подлинные планы должны были храниться в ГУПСИПЗ. Из четырех копий, сделанных на каждый город, две должны быть отосланы на место для практической работы в Губернской строительной и дорожной комиссии (далее – ГСДК) и губернскую чертежную «для справок, как губернатора, так и для губернских присутственных мест» [8, с. 43].

На основании предписания столичного проверяющего уже декабре 1843 г. губернатором Х. Х. Ховеном было дано указание «губернскому землемеру сделать план города и окрестных земель» [5, л. 4], поскольку без этого фиксационного чертежа нельзя было приступать к проектированию нового городского плана. Однако лишь 15 октября 1845 г. губернатором были представлены в МВД два плана Воронежа: существующий и проектный городского архитектора М. О. Мирского. В пояснительном тексте сообщалась парадоксальная информация: «До сих пор никакого плана г. Воронежу, который был надлежащим образом рассмотрен, утвержден и одобрен Е.И.В., не было. Улицы получали направление по удобствам и соображениям, относительно внешних путей, в город ведущих, и по направлению реки Воронеж» [там же, л. 13–15].

Данное утверждение не соответствовало действительности и полностью отвергается сохранившимися архивными документами. Процесс реализации генерального плана Воронежа и его развития находился под постоянным контролем всех архитектурно-строительных служб города и губернии. Тем не менее следует отметить, что к середине столетия стало ясно, что генеральный план 1774 г., долгие годы служивший основой для строительства в Воронеже, практически исчерпал свои возможности.

По проектному плану архитектора М. О. Мирского были предусмотрены расширение территории Воронежа за Кадетский корпус (ранее здесь планировалось размещение площадки для хранения запасных артиллерийских снарядов), дальнейшая застройка пустых мест, пробивка новых улиц и корректировка уже существующих. Работа над планом была продолжена и после отправки в столицу. Свидетельством этого является хранящийся в этом же деле чертеж 1847 г., подписанный губернским архитектором В. Н. Шебалиным. Если судить по нему, то предполагалось отказаться от устройства части современной улицы Ф. Энгельса, предусмотренной регулярным планом (на участке от ул. Мира до ул. Кольцовской). В этом направлении планировалось расширение территории комплекса зданий приказа общественного призрения за счет покупки сада у чиновника Воронкова [там же, л. 19, 38].

Предложения воронежцев не были утверждены в столице. В мае 1848 г. проектный план был возвращен в Воронеж для исправления и доработки. Спустя

шесть лет, 31 мая 1854 г. Хозяйственный департамент МВД запросил у губернатора информацию о дальнейшей судьбе чертежа, но ответа не последовало [там же, л. 49, 54]. Возможно, это было связано с тем, что в 1854 г. в департаменте была разработана новая инструкция для составления проектных планов городов России [9], а предложения воронежских проектировщиков по доработке плана М. О. Мирского, вероятно, новым требованиям не соответствовали.

Отсутствие генерального плана и необходимость его разработки для губернского центра вновь были отмечены в «Деле о предоставлении планов городов Воронежской губернии», которое велось в Департаменте искусственных дел ГУПСИПЗ с 1855 по 1858 г. [10]. Однако, даже учитывая эту информацию, тем не менее нельзя однозначно утверждать, что с начала 1850-х гг. никакие практические мероприятия по подготовке нового генерального плана в Воронеже не проводились. Можно предположить, что именно с этапами работы над новым планом связаны два фиксационных чертежа, составленные в Воронеже соответственно в 1852 [11] и 1856 [12] гг.

План 1852 г., выполненный военным инженером Фохтом, очень подробный. На нем отмечены не только названия практически всех улиц и переулков, но и характер их мощения, изображены не только наиболее значительные здания города, но и надворные постройки, заполнявшие усадьбы и даже отдельные фонарные столбы. Чертеж снабжен богатой экспликацией и по степени своей детализации весьма близок плану 1799 г., что дает возможность проследить характер развития городской застройки более чем за полувековой период и увидеть, как в Воронеже реализовывались узаконенные градостроительные регламенты.

Анализ этого плана показывает, что самое активное строительство велось на нагорном плато, наиболее пригодном для разбивки кварталов на регулярной основе. Однако и на этой территории можно выделить участки, различные по интенсивности освоения. Например, очень медленно застраивался район между современными улицами 9 Января и 20-летия Октября. На той стороне Большой Дворянской, где располагался дом губернатора, на отрезке улицы от Жандармской горы до площади Солнечных часов, к середине XIX в. зданий было значительно меньше, чем на противоположной стороне. Плотность застройки всего района, от этой главной городской магистрали до современной улицы Кольцовской, также была невысока.

Особенность географического расположения старого Воронежа на берегу реки определяла тот факт, что прирост его территории шел в трех направлениях: северном, северо-восточном и северо-западном. Сопоставление планов города показывает, что

с середины XVIII в. до середины XIX в. его территория выросла примерно в 5 раз и вышла за границы, очерченные планом 1774 г. Это хорошо видно на чертеже 1856 г., согласно которому новые границы Воронежа пролегли по современным улицам 20-летия Октября, Кольцовской, Революции 1905 года, железнодорожной линии и берегу реки. Этот план был литографирован и в том же году воспроизведен в печати [13].

К плану приложена довольно подробная экспликация, а сам чертеж снабжен многочисленными поясняющими надписями, изучение которых может существенно дополнить наше представление о городе тех лет. При этом само графическое изображение плана Воронежа не отличается подробностями. В то же время на чертеже очень детально прорисована пойма реки, показан Чернавский мост и ближайшие окрестности, включающие на правом берегу слободы Чижовку, Ямскую и Троицкую, а на левом – Монастырщенку и Придачу. При этом следует заметить, что население пригородных слобод в то время считалось не городским, а сельским.

В связи с таким активным расширением городских границ Воронеж испытывал особенно острую потребность в новом генеральном плане. Требования, идущие из столицы, таким образом, полностью совпадали с реалиями жизни. В результате 30 ноября 1861 г. городская дума в очередной раз одобрила новый для Воронежа план, который должен был регламентировать его дальнейшее архитектурно-планировочное развитие [14, л. 35]. Вероятно, он представлял собой ранее разработанные проектные предложения, скорректированные с учетом инструкции 1854 г.

Наконец в июне 1870 г. посланный в Петербург проектный план города был возвращен в Воронеж, однако вновь без необходимого утверждения [15, л. 4]. Причина, вероятно, состояла в том, что в преддверии принятия в июне 1870 г. нового Городового положения 10 марта этого же года Техническо-строительным комитетом МВД была издана «Инструкция строительным отделениям губернских и областных правлений для руководства при начертании планов на новую обстройку городов и на изменение существующего Высочайше утвержденного городского регулирования».

Представленный из Воронежа проект вновь не отвечал предъявляемым для разработки перспективных планов городов требованиям, поскольку их составление, согласно инструкции, должно было вестись на основании всех постановлений, изложенных в Сводах Законов и Уставах: Строительном, Городского хозяйства, Полицейском, Медицинском и Пожарном, а также отдельных правил, предписанных МВД.

В обнародованной инструкции содержался обязательный перечень документов, которые должны

сопровождать разрабатываемые проекты планировки, и были изложены правила их составления:

а) Высочайше подтвержденный в прежнее время план города;

б) план существующего расположения города, с профилями нивелировки местности как под существующим городом, так и под его частями, предназначенными под его развитие, т. е. фиксационный чертеж с анализом рельефа всей территории, которую в перспективе должен занять город;

в) план проектируемого расположения города, на котором должны были быть показаны городская черта, городской выгон, сады, огороды, леса, поля, пашни, пески дороги, реки, ручьи, озера, болота, разливы вод и т. п. Кроме того, на чертеже требовалось обозначить имеющиеся в городе «каменные» и «деревянные» кварталы с показом частных дворовых участков и зданий, а также существующие и предполагаемые к застройке участки под казенные и общественные сооружения;

г) ведомость о числе дворовых участков, находящихся в них домов и о числе жителей обоого пола в городе;

д) подробное топографическое описание местности, отходящей под проектируемый город, а также окружающих его угодий, на расстоянии от 250 сажень до 1 версты.

В примечаниях к этому документу говорилось о необходимости контроля губернских органов (в лице строительных отделений губернских правлений. – В. Ч.) за правильностью составления проектов и проверки направляемых в Министерство чертежей.

В соответствии с этой инструкцией была продолжена работа над составлением перспективного плана Воронежа, которая отражена в весьма объемном деле, хранящемся в ГАВО и охватывающем период с 1870 по 1900 г. [там же]. В нем, в частности, имеются составленные в соответствии с инструкцией ведомости о числе жителей Воронежа с делением по сословиям и полу; о молитвенных и прочих зданиях (жилых, магазинов и лавок, театров и даже полицейских будок) с указанием количества каменных и деревянных. Эти сведения подписали возглавлявший строительное отделение губернский инженер Ю. И. Волтатис, губернский архитектор В. А. Сербин и городской архитектор А. А. Кюи [там же, л. 7, 7 об., 8, 9].

В комплект документов входит пояснительная записка, составленная в 1871 г. к разрабатываемому новому проектному плану и касающаяся непосредственно застройки кварталов, примыкавших к железной дороге. Наряду с вышеназванными должностными лицами ее подписал и губернатор князь В. А. Трубецкой [там же, л. 10, 10 об.]. Этой активно осваиваемой территории городские власти уделяли повышенное внимание.

Новый проектный план был представлен на рассмотрение в городскую думу 6 февраля 1873 г. очередным городским архитектором Д. С. Максимовым. На основном чертеже было указано, где необходимо строить каменные, а где деревянные дома. Поскольку принятие решений по регулированию городской застройки и благоустройству городов было возложено на муниципалитеты, то для рассмотрения плана Воронежа 23 июня 1875 г. была образована специальная комиссия в составе гласных Д. С. Максимова, И. Е. Вьонникова, И. М. Тихомирова и др. [там же, л. 20–24].

27 декабря 1876 г. губернатор князь М. А. Оболенский напомнил думе, что план на город Воронеж, возвращенный из МВД в 1870 г., до конца так и не составлен [там же, л. 34, 35]. После этого обращения наблюдается некоторая активизация городской управы в попытках создания этого градостроительного документа, отсутствие которого сдерживало территориальное развитие города в соответствии со строительными, противопожарными и санитарно-гигиеническими правилами.

В январе 1877 г. частный землемер А. Я. Разуваев изъявил желание составить проектный план Воронежа, однако от его услуг городские власти отказались. В апреле 1877 г. было принято решение о том, чтобы поручить разработку нового плана Воронежа городскому архитектору Максиму. Проект им был сделан к концу года, но без необходимых приложений, определяемых требованиями инструкции 1870 г. «для руководства при начертании планов на новую обстройку городов». По этой причине в мае 1879 г. вновь решено «составить новый проектный план на город Воронеж» и подыскать для этого «сведущие лица» [там же, л. 36, 44, 51]. С этой целью дума предложила городской управе пригласить вместо двух архитекторов (городского и помощника. – В. Ч.) одного городского архитектора с жалованием 1500 рублей в год. При этом оставшуюся от такого сокращения сумму в 400 рублей рекомендовано было присоединить «к ассигнованным по этой же смете 210 рублям на составление проектного на город Воронеж плана» [16, л. 1].

Приведем перечень тех, кто в период с января по май 1881 г. заявил о своем желании выполнить эту работу: военные топографы, поручики Яковлев и Ванюрский; межевой инженер, помощник губернского землемера С. Романов; гражданский инженер И. М. Тихомиров; инженер-архитектор С. Л. Мысловский; землемер из Богемии Ф. Р. Кёлич; губернский землемер Н. А. Попов. Тем не менее по непонятным причинам 18 июня 1881 г. контракт на составление плана Воронежа был заключен не с кем-то из них, а с землемером А. Я. Разуваевым.

Работу предстояло выполнить в течение трех лет за сумму в 6000 рублей. В августе 1882 г. Разуваевым

был составлен черновой план, проверка которого была поручена гражданскому инженеру, а в то время городскому архитектору А. П. Багалдин-Таишеву и потомственному почетному гражданину Р. А. Михайлову. Ими был представлен думе список неточностей по домам и улицам, обнаруженных в плане Разуваева. В результате в декабре 1884 г. контракт с ним был расторгнут, а город несмотря на затраченные средства, желаемый проект так и не получил. Контракт на продолжение работы был заключен с Н. А. Поповым, однако он к ее выполнению так и не приступил [15, л. 64, 70, 71, 84, 85, 87, 114, 121, 141–145].

Материалы дела свидетельствуют о том, что в последующие годы городская дума не оставляла многочисленных попыток иметь в своем распоряжении новый градостроительный документ. Свои услуги по составлению нового проектного плана Воронежа предлагали в 1885 г. – инженер путей сообщения П. Ю. Майер, частный землемер Г. Г. Вязовой, землемер-таксатор В. Л. Левин; в 1886 г. – частный землемер М. М. Веневитинов; в 1891 г. – военный топограф, капитан А. П. Егоров из Гродно; в 1892 г. – военный топограф, подполковник В. М. Яковлев и штабс-капитан 14-го Можайского полка Ванюрский, землемер М. В. Никольский; в 1893 г. – М. Голинович из Москвы [там же, л. 207, 208, 210, 211, 251, 284, 287, 288, 321].

Из всех, кто претендовал на эту работу, были выбраны Яковлев и Ванюрский, как наиболее квалифицированные из всех соискателей. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграл и тот факт, что они при этом проживали в Воронеже. В 1893 г. городская дума заключила с ними договор на разработку нового плана. Проверку промежуточных результатов этой работы в виде геодезической съемки и чернового плана в ноябре 1896 г. осуществил инженер-землемер Харламов, по результатам которой она была продолжена. Для ускорения работы над планом, чрезвычайно растянувшейся по времени, в феврале 1902 г. В. М. Яковлев нанял в качестве чертежника капитана И. К. Струсевича, а в 1905 г. – студентов Московского инженерного училища В. Р. Трушковского и И. П. Трунова [там же, л. 20–24]. Итогом этого проектного марафона стали два фиксационных плана Воронежа – 1902 и 1910 гг.

В конце XIX – начале XX в., как показывают архивные документы, велись дебаты о том, следует ли городу заказывать выполнение планов частным фирмам и на каких условиях это возможно, и следует ли городу купить точный план, составленный Яковлевым. В ГАВО сохранилось дело городской думы с обширной перепиской по этому поводу [там же, л. 438–443]. По договору между Воронежской городской управой и полковником В. М. Яковлевым от 6 апреля 1911 г. снятый им план г. Воронежа с пока-

занными «нивелировочными профилями местности» был продан управе. Кроме того, на чертеж были нанесены все перспективные данные по урегулированию города, по-видимому, предварительно подготовленные для него городским архитектором.

План В. М. Яковлева, озаглавленный «План города Воронежа с показанием казенных и общественных зданий, церквей и садов», получил наибольшую известность, поскольку был отпечатан в цвете крупным форматом и большим тиражом. Это самый подробный из дореволюционных планов города, к которому прикладывалась книжечка с пояснительным описанием указанных на чертеже объектов, составленным по функционально-типологическому принципу.

В силу этого для историков и архитекторов этот план является весьма ценным источником информации, поскольку дает возможность определить местоположение всех наиболее значимых зданий и даже увидеть их конфигурацию в плане, проанализировать характер застройки и планировки, узнать прежние названия практически всех старых улиц.

Сравнивая этот план с другими ранее упомянутыми планами Воронежа, следует заметить, что сложившаяся структура центра и в капиталистический период не подвергалась заметным изменениям. По-прежнему здесь сохранились многочисленные незастроенные участки, занятые усадебными садами и городскими парками. На территории от современного Первомайского сада и до улицы Комиссаржевской они образовывали непрерывный парковый массив. На всем своем протяжении он выходил к границе нынешней улицы Ф. Энгельса, будучи отделен от нее каменной оградой по всей длине. На рубеже веков Воронеж в прямом смысле мог называться городом-садом.

К сожалению, Воронеж полноценного перспективного проектного плана в дореволюционное время так и не получил. О чем может сказать исследователь этот факт? Во-первых, о том, что сама государственная власть уже не считала своим долгом строго регулировать такую сферу, как градостроительство, а ограничивалась надзором за соблюдением собранных в «Строительном уставе» предписаний и правил, которые носили в большей степени технический характер.

Во-вторых, обстоятельством, повлиявшим на некоторое «попустительство» на планировочном уровне, является большой объем строительных работ, которые в те годы осуществлялись в городах Воронежской губернии. Постоянная занятость архитекто-

ров городского и губернского уровня, их загруженность частными заказами, увлеченность новыми строительными технологиями не позволяли заняться разработкой плана развития города на сколь-либо длительную перспективу. Все-таки это была работа совсем иного уровня, требующая значительных затрат времени, сил и большего количества квалифицированных кадров, способных составить не только высококачественные фиксационные, но и перспективные планы, отвечающие требованиям времени.

В-третьих, городское самоуправление, чья ответственность за градостроительные процессы возросла в связи с падением уровня государственного регулирования в этой области, не располагало достаточными средствами, необходимыми для выкупа пригородных земель, которые можно было бы использовать для развития города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А. Н. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) / А. Н. Акиншин, Г. А. Чесноков // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период) : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1989. – С. 118–132.
2. Митин В. А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало большого Воронежа : в 2 т. / В. А. Митин. – Воронеж : Альбом, 2010. – Т. 2 : Екатерининский классицизм, 2010. – 95 с.
3. Митин В. А. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор / В. А. Митин. – Воронеж : Альбом, 2015. – 96 с.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1287. – Оп. 39. – Д. 65.
5. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 39. – Д. 77.
6. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 8. – Д. 453.
7. РГИА. – Ф. 207. – Оп. 17. – Д. 15.
8. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – 2-е собр. – Т. 35, № 35335.
9. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 39. – Д. 1596.
10. РГИА. – Ф. 218. – Оп. 4. – Д. 725.
11. РГИА. – Ф. 1293. – Оп. 166. – Д. 4.
12. РГИА. – Ф. 1289. – Оп. 15. – Д. 64.
13. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год. – Воронеж, 1856. – Отд. II. – С. 34, вклейка.
14. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 8.
15. ГАВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 46.
16. ГАВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 1126.

Воронежский государственный университет
Чесноков В. Г., аспирант кафедры истории России
E-mail: che.vir@yandex.ru

Voronezh State University
Chesnokov V. G., Post-graduate Student of the Department of Russian History
E-mail: che.vir@yandex.ru